

Л. Николова

О теории накопления и тезаврации богатства в преистории

(на основе балканских источников)

L. Nikolova.

Toward Theory of Accumulation and Treasuring of Wealth in Prehistory (With Reference to the Balkans).

Wealth was a leading social construct in prehistoric societies. It is one of the fundamental reproductive means incorporated into complex systems of multilevel social relationships. Accordingly, the topic of wealth is of primary importance for the prehistoric cultural anthropology and in particular for Balkan Prehistory. The prehistoric meaning of wealth has peculiarities, as well as there are many lost or invisible traces that complicate the problem even if we use the best archaeological records, theory, and prospective case studies.

Based on the existed data four levels of social complexity are projected from the perspective of the wealth:

1. Level of reproduction of subsistence only;
2. Level of accumulation of wealth;
3. Level of reproduction of wealth and possible increase of surplus;
4. Level of treasuring of wealth.

Reproduction and treasuring of wealth mean any valuable material product/object, which is beyond the level of subsistence.

This study is offered to stimulate future critical research in similar or alternative directions. The author reserves the right to make updates and appreciates critical comments and suggestions.

L. Nikolova.

Considerații asupra teoriei acumulării și teaurizării bogăției în preistorie (cu referință la Balcani).

Bogăția era o construcție socială de vîrf în preistorie. Este unul dintre mijloacele fundamentale de reproducere incorporate în sistemele complexe de relații sociale la diferite nivele. Respectiv, problema bogăției este de o importanță primară pentru antropologia culturală preistorică și, în particular, pentru preistoria peninsulei balcanice. Semnificația preistorică a bogăției posedă o serie de particularități, dat fiind și faptul, că există o mulțime de urme pierdute sau invizibile care complică problema chiar și în condițiile utilizării celor mai precise date arheologice, a teoriei și studiilor prospective de caz.

În baza datelor existente, se disting patru nivele ale complexității sociale, definite prin prisma fenomenului bogăției:

1. Nivelul reproducerii doar a mijloacelor de subsistență;
2. Nivelul acumulării bogăției;
3. Nivelul reproducerii bogăției și a măririi posibile a surplusului;
4. Nivelul teaurizării bogăției.

reproducerea și teaurizarea bogăției se referă la orice produs/obiect ce posedă valoare și se află în afara nivelului de subsistență.

Acest studiu își propune să stimuleze în viitor cercetări critice în direcții similare sau alternative. Autorul își rezervă dreptul de a completa studiul și va aprecia orice comentarii și sugestii critice.

Л. Николова.

К теории накопления и тезаврации богатства в преистории (на основе балканских источников).

Богатство являлось ведущей социальной конструкцией в преисторических обществах. Это одно из фундаментальных средств воспроизводства, инкорпорированных в сложные системы многоуровневых социальных взаимоотношений. Соответственно, значение вопроса о богатстве первостепенно для преисторической культурной антропологии и, в частности, для преистории Балкан. Преисторическое значение богатства обладает рядом особенностей, поскольку существует множество потерянных либо невидимых следов, которые усложняют

проблему, даже при условии использования самых точных археологических данных, лучших теоретических разработок и предстоящих конкретных исследований.

На основе существующих данных предлагаются четыре уровня сложности социальной структуры, с точки зрения феномена богатства:

1. Уровень воспроизводства средств существования;
2. Уровень накопления богатства;
3. Уровень воспроизводства богатства и возможного увеличения прибавочного продукта;
4. Уровень хранения богатства.

Воспроизводство и хранение относятся к любому ценному продукту/предмету, который находится над уровнем средств существования.

Предполагается, что эта работа сумеет стимулировать дальнейшие критические исследования в сходном или альтернативном направлении. Автор сохраняет за собой право дополнения данного исследования и приветствует любые критические комментарии и предложения.

Keywords: Balkans, Prehistory, Wealth, Accumulation, Treasuring, Social Structure.

Cuvinte cheie: peninsula balcanică, preistorie, bogăție, acumulare, teaurizare, structură socială.

Ключевые слова: Балканы, преистория, богатство, аккумуляция, тезаврация, социальная структура.

В память о моей матери

...если известно, что у человека есть пять беку, то он считается 'богатым', но также и опасным человеком, поскольку беку являются необходимыми атрибутами для колдовства и компенсационных выплат... «Для Киривина, беку», — как мне часто говорили, — «являются очень важными, но и очень опасными предметами»...

Аннетт Б. Вейнер (1983)

Накопление и тезаврация богатства в преистории

Существуют различные подходы к проблеме тезаврации богатства в преистории. В целом, для рассматриваемого времени это один из составных элементов проблемы, связанной с таким понятием, как «ценность». Относительно недавно эта тема обсуждалась в коллективной монографии под редакцией Дугласа Бэйли (см. работы Russell 1998; Palavestra 1998 и, в особенности, Quesada 1998; для общего обзора преистории Балкан см. Bailey 2000; 2005; Nikolova 1999 с последующей литературой). Основываясь на материалах эпохи бронзы Северо-Западной Европы, Ричард Брэдли предположил, что некоторые наборы вещей, такие как погребальный инвентарь, грунтовые и водяные клады, а также единичные находки были «фактически взаимосвязаны в качестве вариантов одной базовой модели, в основе которой лежало преднамеренное избавление от собственности» (Bradley 1982). Автор считает, что богатые клады и богатый погребальный инвентарь обладают сходным значением, и разница в контексте их размещения объясняется существованием периода «социальной конкуренции и разрывности». В целом, все упомянутые практики щедрых «вотивных приношений» рассматривались автором в качестве «одного из способов установления личного прести-

жа», что, по его мнению, аналогично потлачу и другим сходным церемониям. Позже, в своем основательном исследовании по кладам в поздней европейской преистории, Ричард Брэдли проводит различие между погребениями и кладами, используя противопоставление индивида и общины, различая также утилитарные и ритуальные клады (Bradley 1990). Накопление богатства могло относиться к обоим видам кладов, в то время как тезаврация богатства связана преимущественно с ритуальными кладами. Позднее этот же автор рассматривает более подробно бытовую и ритуальную преисторическую археологию Европы (Bradley 2005).

Нет сомнений, что депонированию богатства в преистории сопутствовали разнообразные значения и социальные практики. В ракурсе межличностной и межгрупповой коммуникации тезаврация богатства создавала символические социальные связи (в наблюдаемом мире, а также между видимым реальным и невидимым иррациональным миром). Например, вполне возможно, что некоторые члены разных социальных групп использовали свое материальное богатство в качестве средства социальной сплоченности и воспроизводства определенного социального статуса. Но взаимодействие между социальным и иррациональным мирами, похоже, доминировало, и депонируемые вещи фактически использовались в качестве даров священному миру

№2. 2010

в лице предков и богов. С нашей точки зрения, многие из предметов обладали жертвенным смыслом. Социальное богатство имитировало природное богатство и разнообразие, и депонирование являлось выразительным способом соединения обоих миров в изображении вечности. Для преисторических людей предметы могли содержать в себе божественные силы и силы предков. Похоже, что чем более престижным и ценным являлся (включая метрические критерии) предмет, тем большей апотропаической силой он обладал.

Четырехуровневое структурирование сложности социальной структуры на основе критерия богатства

При анализе погребальных данных многие археологи рассматривают захоронения в качестве прямых указаний на социальную структуру и ее сложность. Тогда, согласно прямой интерпретационной модели (схема 1):

1. Отсутствие погребального инвентаря = бедное население (семейства, общины);
2. Скромный погребальный инвентарь = небогатое население (семейства, общины);
3. Богатый погребальный инвентарь = богатое население (семейства, общины);
4. Чрезвычайно богатый погребальный инвентарь = лидеры, вожди, жрецы и др.

Эта модель применима, если могильник и погребение функционируют в качестве социального отражения мира живущей общины (для более подробного обсуждения и теоретической основы см. Nikolova 2002 с упомянутой там литературой).

Наоборот, антропологический подход к погребению и, в особенности, к преисторическому погребению предполагает, что захоронение могло рассматриваться в качестве способа налаживания связи между миром живых и миром предков. В традиционных, а также и во многих современных обществах, эти два мира духовно не разделены, и предки считаются рефлексивной частью бытия живых. В таком случае, сущность погребения заключается в оказании дани уважения предкам, что также способствует их превращению в невидимых партнеров в повседневной жизни. Рассматриваемое в качестве церемонии, преисторическое погребение также отражало социальный статус, пол и возраст индивида. Оно даже могло выступать этническим индикатором принадлежности к определенной макросоциальной группе. В качестве полифункциональной социальной стратегии живущих общин по-

гребение способствовало эффективному воспроизводству социальных взаимоотношений в домохозяйстве и общине (дополнительно о поведенческих стереотипах в рамках домохозяйства см. Jongtsma, Greenfield 2002 с дальнейшей литературой).

Наше предположение относительно аккумуляции богатства находится в контексте четырехуровневой классификационной схемы сложности социальной структуры семей (из последних работ по сложности социальной структуры см. Bentley, Maschner 2008). Это попытка реструктурирования преисторической повседневности в качестве комплекса социальных действий по социальному и культурному воспроизводству. Изначально погребения как активные элементы в социальных стратегиях семей рассматривались на примере неолитических захоронений на поселениях (Nikolova 2006a). Мы расширили нашу базу данных, включив в нее анализ экстрамуральных могильников (см. Nikolova 2002).

Предложенная теоретическая модель была впервые представлена в 2006 г. на 71-й ежегодной встрече Организации по Американской Археологии в Пуэрто Рико (Nikolova 2006a). Согласно этой модели, существуют, по меньшей мере, четыре уровня сложности социальной структуры общин, выделенные на основе ряда критериев богатства (схема 2):

1. Уровень воспроизводства средств существования;
2. Уровень накопления богатства;
3. Уровень воспроизводства богатства и возможного увеличения избыточного продукта;
4. Уровень накопления, воспроизводства и тезаврации богатства для его использования за пределами практических нужд.

С этой точки зрения, общинам первого уровня, возможно, должны сопутствовать погребения, в которых умершие связаны как с миром предков, так и с соответствующими общинами посредством материальных и нематериализуемых социальных символов. Эти символы могут включать традиционный костюм, акцентирование гендерных различий посредством положения тела или использования погребальных приношений, принятых в качестве стандарта в данной общине и доступных для церемонии.

Многие «бедные захоронения» принадлежали семьям, находившимся на уровне воспроизводства средств существования, и их богатство заключалось преимущественно в существовании как можно более широкой сети родичей и партнеров, причем усопшие предки могли включаться в этот круг со-

циальных связей. Соответственно, данные представления о богатстве могли выражаться в ритуальных действиях, включая обряды поминовения предков. В целом, неолит являлся периодом значительного развития почитания предков в человеческой цивилизации. В рассматриваемых теоретических рамках на любом из трех первых уровней сложности социальной структуры могли практиковаться «бедные захоронения», если отсутствовала особая необходимость в тезаврации богатых специализированных предметов.

Второй уровень стратегии социального воспроизводства включает ритуал передачи богатства (при его наличии), такой, как передача украшений от старших к молодым. Другими словами, первоначальное богатство могло быть унаследованным. В зависимости от характера погребальной церемонии — семейного или общинного — мы можем ожидать более четкое проявление богатства посредством социального статуса, несмотря на то, что оно могло быть отображено не только умершими социальными субъектами, но и их наследни-

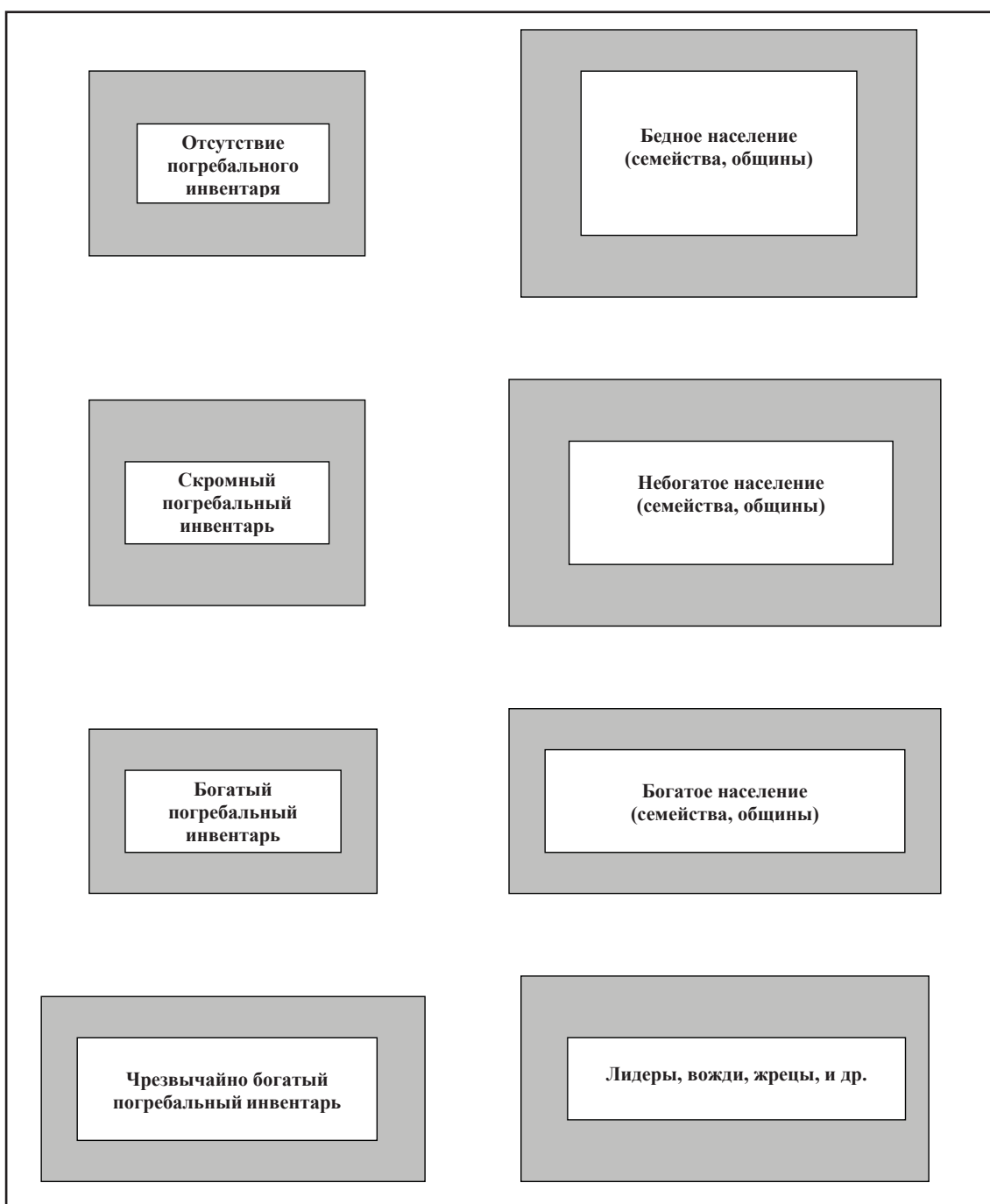

Схема 1. Прямая интерпретационная модель определения стратифицированного общества.

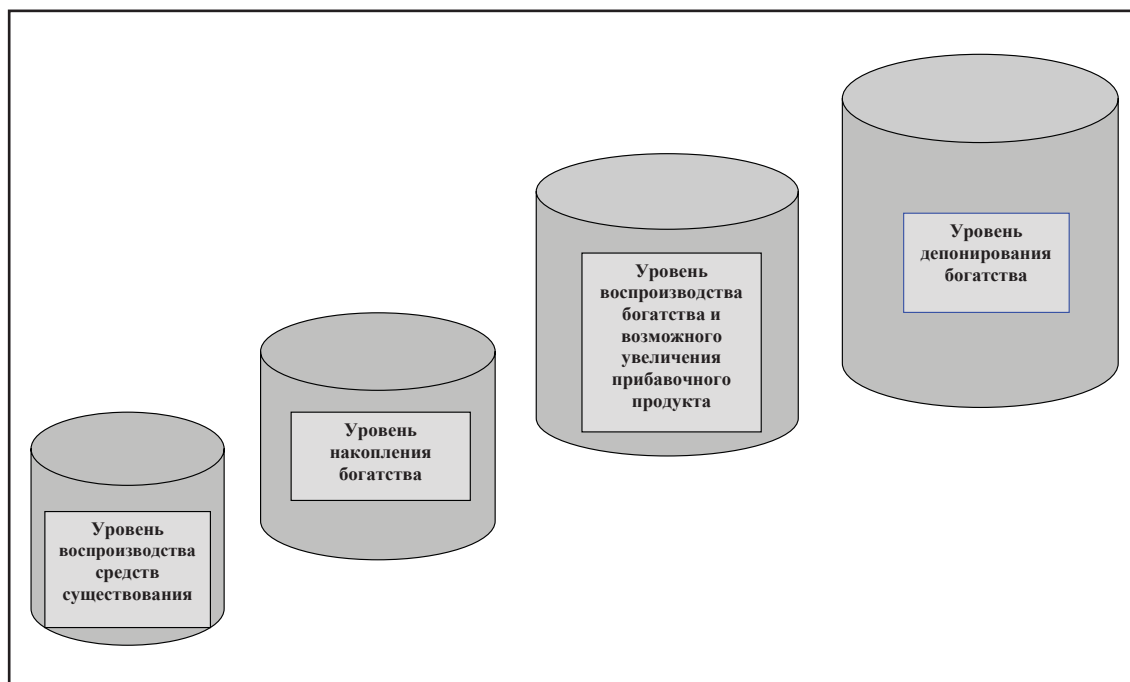

Схема 2. Четырехуровневая структурная модель социальной сегментации в преистории.

ками. Тем не менее, в таком случае мы можем ожидать присутствие более существенных свидетельств поминальных церемоний и, возможно, наличие богатых детских погребений.

На третьем уровне, включающем воспроизводство богатства и возможное увеличение избыточного продукта, домохозяйства могли использовать в своей социальной стратегии богатые погребальные дары, поскольку обладали возможностью их воспроизводства. Это тот уровень, на котором можно ожидать появление не только отдельных детских, но и взрослых богатых захоронений. Тем не менее, археологически документируемое богатство отличается от его реального социального содержания по причине невозможности фиксации несохранившихся форм богатства (схема 3).

Несмотря на несколько спорный и упрощенный характер опубликованной информации, похоже, что на нео-энеолитическом могильнике Дуранкулак (Todorova 2002), например, богатство отдельных домохозяйств выражалось тремя различными способами:

1. Депонирование черепов животных, оставшихся после поминального пира, или депонирование черепа любимого животного умершего, который сохранялся после смерти этого животного.

2. Богатые украшения: ожерелья, пояса, накладки, серьги, кольца и т. п.

3. Богатый погребальный инвентарь, включающий не только украшения.

Четвертый уровень, предусматривающий депонирование мобильного специализированного богатства, должен был отражаться в необычайно богатых погребениях. Погребальная церемония, возможно, выражала не только высокий статус погребенных, но и их преданность по отношению к предкам.

В нашем представлении, необычайно богатые захоронения не всегда отображают этот уровень тезаврации богатства. Возможно, эти погребения появляются в периоды социального кризиса в качестве жертвоприношений и стратегий разрешения социальных конфликтов (одна из возможных интерпретаций могильника Варна). Данные археологии в основном являются фрагментированными и неполными по своей природе, и по этой причине решение данной проблемы не должно опираться на поиск каких-то прямых соответствий.

Мы ограничим наше исследование некоторыми возможными прикладными моделями, обращаясь к дальнейшим проблемам интерпретации археологических данных погребений. В свете имеющейся информации централизованные экстрамуральные могильники, как правило, появляются очень поздно в балканском неолите. Культура Хаманджия, локализуемая в Добрудже, является фактически первой преисторической культурой Балкан, отображающей наличие четких связей с миром предков. В пределах этого культурного ареала удаленные общины собирались для

Варианты	Примеры
Несохраняющееся богатство	Злаки, плоды, дерево и изделия из него, определенные виды сырья, и т. д.
Движимое постоянное и полупостоянное (искусственное и полусискусственное)	Украшения и предметы из благородных металлов, бронза/медь, экзотические виды сырья, полудрагоценные местные минералы, повозки и др.
Недвижимое постоянное (искусственное)	Дома
Символическое	Сестры, жены, знания и т. д.

Схема 3. Варианты богатства в преистории.

формирования некрополя в качестве центрального культового места. Могильник также мог являться своеобразным ответом на растущие социальные различия, выступая своего рода попыткой сохранить групповую солидарность в повседневной жизни как дань традиции и необходимый механизм для успешного воспроизводства социальных связей.

На ранних поселениях культуры Хаманджия не заметны какие-либо четкие археологические свидетельства наличия социальных различий. В этой взаимосвязи нужно учитывать, что, судя по всему, хаманджийские общины вели полукочевое хозяйство, и долговременные поселения, помимо прочего, обладали также функцией центрального места. К таковым, например, можно отнести поселение в Дуранкулаке, относящееся к позднему этапу культуры Хаманджия.

К сожалению, хронология многих захоронений времени Хаманджия I—III определена авторами раскопок недостаточно точно (Todorova 2002). В нашей работе предполагается, что самые богатые погребения принадлежали к позднему этапу Хаманджии, несмотря на то, что в той области, откуда начал развиваться могильник, некоторые могилы были отнесены к периоду Хаманджия III только на основе присутствия в них инвентаря. Могут ли некоторые из них относиться к более раннему периоду, особенно те, в которых отсутствует керамика? В силу отсутствия детального хронологического определения погребений достаточно сложно провести надежный культурно-антропологический анализ,

и все данные должны использоваться с осторожностью, учитывая доказанные допущенные ошибки, противоречивость опубликованной информации и непрофессиональную публикацию могильника.

На основе имеющихся в распоряжении данных и согласно современному состоянию публикации некрополя, мы можем выделить несколько групп погребений, относящихся к раннему периоду культуры Хаманджия («I—II» — поздний неолит):

1. Без погребального инвентаря.
2. Стандартный погребальный инвентарь, состоящий из зубов животных.
3. Стандартный погребальный инвентарь, состоящий из фрагментированной керамики.
4. Погребальный инвентарь, состоящий из сочетания зубов и фрагментированной керамики.
5. Погребальный инвентарь, состоящий из некоторого количества украшений.
6. Погребальный инвентарь, состоящий из кремня, камня и керамики.
7. Погребальный инвентарь, состоящий из кремня, камня, керамики и украшений.
8. Погребальный инвентарь, состоящий из большого количества украшений.
9. Черепа животных.
10. Фрагментированные черепа животных.

На ранних этапах культуры Хаманджия керамика по-прежнему редко использовалась в качестве погребального инвентаря. Это могло быть связано с полуоседлым образом жизни, практикуемым населением, и возможным существованием деревянных сосудов.

№2. 2010

Учитывая, что развитие Хаманджия I—II охватывает, по меньшей мере, два столетия, мы находим неправомерным считать, что ритуал сложился в начале культурной фазы и воспроизводился без каких-либо изменений. Другими словами, первые четыре группы могут относиться к 1-й и 2-й уровням сложности социальной организации общин, представленных в нашей модели.

В пределах общины украшения однозначно являлись своеобразным способом инвестирования и методом аккумуляции богатства независимо от его социального значения (например, владение определенным предметом по той причине, что он приносит удачу). Возможно, начало развертывания активной межрегиональной торговли определило значение украшений в качестве одного из самых популярных средств инвестирования, с линией развития от изделий из раковин *Spondylus* к медным украшениям (бусины, браслеты, кольца и др.).

Богатые украшения, происходящие из горизонтов с расписной керамикой, появляются в преистории Балкан уже в раннем неолите в некоторых ведущих культурных центрах, таких как Хока Чешме и Гьлыбник (Todorova, Vajsov 2001). Социальная стратегия инвестирования в украшения была, похоже, заимствована культурой Хаманджия с юга.

Мы считаем, что обладание различными видами украшений являлось типичной социальной стратегией для всех трех уровней хаманджийского общества, а именно уровней 2—4 нашей модели сложности социальной организации (уровень домохозяйства). В позднем медном веке топоры и золотые украшения стали выражением тезаврации богатства, и позже, в раннем бронзовом веке II, появился первый обширный горизонт распространения золотых украшений, наряду с серебряными, медными и бронзовыми топорами, а также другими металлическими предметами.

Теоретические приложения

Мы можем проверить нашу модель сложности социальной организации культуры Хаманджия путем привлечения дополнительных археологических, этнографических и теоретических данных.

Археологические данные евразийского неолита позволяют нам определить ряд моделей практик социального воспроизводства в многоуровневом региональном контексте.

Можно предположить, что носители культуры Хаманджия представляли собой взаи-

мосвязанные группы полуоседлых общин. Их основная стратегия развития определялась направлением от воспроизводства средств существования до стратифицированного общества с различными стадиями аккумуляции богатства, такими как: первоначальная аккумуляция, воспроизводство и экспансия, а также тенденция к тезаврации на высшем структурном уровне сложности социальной организации.

Данные, происходящие с поселений и могильников, дополняют картину возрастания сложности социальной организации в поздней Хаманджии. Можно предположить, что обмен обладал первостепенным значением для процветания носителей культуры Хаманджия. Скот, возможно, обменивался на предметы роскоши в качестве средства инвестирования. Те не менее, в нашем распоряжении нет свидетельств какой-либо иерархической привилегированности в данном обмене или существования развитых систем типа вложений в богатство или вложений в основной продукт (напр., зерно) (Liu 2004: 247 и процитированные там ссылки).

Присутствие самого раннего золота в мире в погребениях указывает на то, что этот металл рассматривался и аккумулировался в качестве личного сокровища. Это противоречит некоторым примерам из традиционных обществ. Например, Бернар Жюйера показывает, что у яфаров из провинции Западный Сепик, небольшой общины в Папуа-Новой Гвинее, золото являлось коллективно распределяемым доходом, который сегодня чаще всего используется для открытия магазинов в деревне. Будучи наиболее существенным источником дохода, оно добывалось из местного ручья (Juillerat 1996: 519). Согласно другому примеру из традиционных обществ, вожди контролировали торговлю экзотическими вещами, такими, как золотые украшения, и увеличивали свою локальную власть посредством демонстрации своих связей с далекими людьми и местами (Helm 1996).

Сложность социальной организации, иерархия и солидарность в неолите Евразии являются взаимосвязанными.

Пример культуры Хаманджия является типичной демонстрацией того, что, несмотря на очевидную сложную социальную организацию и иерархию, основанную на богатстве, в нашем распоряжении отсутствуют данные о пространственном разделении стратифицированных обществ. Поселения и могильники являлись местами не только для осуществления и воспроизводства социальных различий, но и для поддержания и воспроизводства со-

лидарности общества посредством прожигания и погребения в одних и тех же общих условиях. Развитие культа предков через отведение специальных мест для погребения усопших является аспектом инкультурации, который остается одним из значительнейших вкладов в динамику человеческой цивилизации. Мы предполагаем, что горизонтальные (социальные региональные взаимодействия) и вертикальные аспекты инкультурации (передача традиций и социальных ценностей от поколения к поколению) были равными по значению.

Согласно оригинальной концепции Т. Эрла, основной продукт и богатство рассматриваются в качестве двух аспектов средств платежа. В основной продукт входят продукты питания и технические средства (другими словами, средства существования и орудийный комплекс), в то время как богатство включает предметы символической значимости (Earle 1991: 3; Vandkilde online: 3; также Kristiansen, Rowland 1996). Символические предметы были приняты в качестве высшего показателя социального уровня в период вождеств.

В контексте преистории избыточные продукты в сфере средств существования являлись крайне ценными для семей и, возможно, аккумулировались постепенно от поколения к поколению. С другой стороны, как основной продукт, так и богатство представляют собой аспекты товарообмена (вариант денег). Предложение Т. Эрла является своего рода модернизацией преисторической политической экономии, тогда как, с нашей точки зрения, значение избытков в сфере существования и ценных предметов зависит от контекста. Их функции частично совпадали или дополняли друг друга.

Многочисленные примеры многоуровневых функций тленного и постоянного богатства в традиционных обществах можно найти в этнографических исследованиях. Исследование народности киривина, проведенное А. Вейнер, показало, что богатство развивалось вместе с долгом, и оба они воспроизводились в качестве средства создания вертикальных и горизонтальных коммуникационных сетей, которые существовали среди людей, вовлеченных в долговой процесс (концепт Дала) (Weiner 1983: 149). Особая форма богатства, называемая беку «... не воспроизводит новые и продолжающиеся взаимодействия посредством базового процесса прикрепления богатства и ценностей “к другим” ... (но) предоставляет защиту против “других”, и эта защита определяется больше

“страхом”, чем “любовью” и “щедростью”» (Weiner 1983: 159).

Специальным вопросом является проблема различения многоуровневой сложности социальной организации не только на основании погребальных, но также и поселенческих данных. Мы предполагаем, что существовали предметы, обладающие постоянной ценностью и престижностью, что отражало определенный уровень развития сложности социального устройства поселений. Например, обсидиановый нож с раннеолитического поселения Климент-Баня (Tsonev 1995) в верховьях Струмы указывает на существование далеких контактов данной общины на позднем этапе раннего неолита Фракии. Этот предмет может послужить признаком существования общины, которая, возможно, принадлежала ко второму уровню предложенной модели. Obsidian являлся малораспространенным видом сырья в балканском неолите, и ценность данного предмета может быть сопоставима с ценностью более поздних украшений из различных металлов.

Социальные применения: богатство и социальная стратификация

Взаимосвязь между социальной стратификацией и богатством в преистории так и не стала предметом определенного детального культурно-антропологического исследования. Как правило, допускается, что *большое богатство = высокий социальный уровень = высокий социальный статус* (т.н. социальная элита). В этом контексте можно указать на некоторые общие социальные применения предложенной четырехуровневой модели.

Прежде всего, искусственные предметы могли обладать различной ценностью в области их распространения и на различных хронологических этапах. Например, постепенно распространяющаяся в раннем неолите Балкан расписная керамика обладала очень высоким качеством. Исследование Я. Ходдером народа лози показало, что тщательно украшенные росписью сосуды использовались в качестве подарков со стороны короля и королевы особо почетным гостям (Hodder 1982: 120). На Балканах, учитывая более низкий уровень социальной стратификации в раннем неолите, расписная керамика могла поначалу служить способом обретения более высокого социального статуса в качестве нового стиля. Когда стилистика этой керамики стала широко распространенной, ее символические функ-

№2. 2010

ции в обществе претерпели изменения (в результате процесса эмуляции) (Bradley 1990: 35 с дальнейшей литературой).

Интересным исследовательским вопросом является то, каким образом раннеолитические предметы могли также использоваться для формирования и стабилизации богатых социальных слоев на преисторических Балканах. Этноархеологическое исследование Я. Ходдера содержит примеры выражения различий в «размерах и формах домов, изгородей определенной формы или изготовленных из определенного материала...», типах оружия, прическе, шрамах, украшениях, металлических ошейниках, способах ношения посохов, ношении официальных цветов (зеленого и красного); посланник короля нес в руках пестуха или парадный меч с золотой рукояткой» (Г. Далтон по Hodder 1982: 121).

Тогда, во многих случаях непостоянное, символическое выражение обладало первоначальной значимостью для обретения статуса в повседневной жизни традиционных обществ. Косвенные данные также указывают и на возросшую ценность специализированных материальных символов в преистории.

Формирование культурного концепта социального статуса может быть предположено на основе некоторых данных из мобильного антропоморфного искусства. Типичным примером является лицевой сосуд из Градешницы (Николов 1974: рис. 15), на котором антропоморфизм дополнен космогоническим символическим контекстом (орнамент из ромбов, зигзагов, треугольников, меандра и вертикальных полос). Можно предположить, что птицевидный лик символически изображал предков — их невидимую силу и тайное наблюдение за бытием живущей общины. Этот синкретизм между социальным бытием, космологией и природой указывает на существование упорядоченных социальных систем воспроизводства в неолитическом обществе, в которых нематериальное лучше всего выражалось, возможно, через мифы, танцы, празднества и религиозные ритуалы.

Небольшая статуэтка с удлиненной шеей и коническим головным убором, выражающая более индивидуализированную личность, была обнаружена на том же поселении, в слое раннего медного века (Николов 1974: рис. 35). Этот образ объединяет мужеподобные черты лица с женскими символами: двумя округлыми налепа, обозначающими грудь, и слитно оформленными ногами, переданными в стиле, известном и для других статуэток с углубленным орнаментом (Николов 1974: рис. 58). Глаза и брови этой фигурки очень

хорошо обозначены, что является необычным. Учитывая, что мир антропоморфных фигурок балканской преистории — это мир мифов, религии и художественного воображения, одной из возможных интерпретаций может быть идея, согласно которой фигурка является отображением человеческого социального положения в живущей общине, сочетая мужские и женские характеристики. К тому же, кукутенский тип танцующей фигурки (Николов 1974: рис. 93) мог являться символом плодородия.

В данном контексте мы можем интерпретировать ромбовидные фигуры на одном позднеолитическом антропоморфном сосуде (Николов 1974: рис. 14) в качестве символов мужского и женского дуализма с возможным сопутствующим вербальным мифологическим контекстом.

Сравнивая статуэтки культуры Градешница с пластикой культуры Хаманджия, можно заметить не только стилистические различия, но и многообразие концептов социального достоинства. Например, облик фигурок культуры Хаманджия более драматичен, с различной осанкой и выражением внутренней силы (о построении социальной идентичности см. Bailey 2005: 140—142).

Богатые ненарушенные захоронения культуры Хаманджия показывают, что, несмотря на различия внутри общины, раннеземледельческие общества обладали мощной системой моральных ценностей, в которой грабеж не существовал в повседневной жизни. Мы не знаем, стоял ли за этим страх перед жестоким наказанием, или же общество просто не допускало существования незаконных мер обогащения в своих социальных практиках. Этот факт показывает, что стремление к богатству не являлось абсолютной самоцелью, а играло второстепенную роль.

Поскольку социализация индивидов проходила в небольших общинах, развитие условий для появления антисоциальных личностей было сложным или даже невозможным. В этом случае богатство являлось сильным моральным мотивирующим фактором, что в корне отличается от современного нам мира.

Даже в более поздних периодах регистрируются лишь отдельные случаи экстраординарного аккумуляирования и тезаврации богатства (напр., Варненский могильник). Это указывает на то, что богатство было не целью, но одним из механизмов социального воспроизводства, который не нарушал равновесие в обществе. Недавние раскопки позднеолитического телля в Хотнице показали, что золотые украшения были распространены

среди различных семей. Они могли функционировать в качестве предметов престижа или даров богам и предкам. Существуют некоторые культурно-антропологические примеры, согласно которым боги были инкорпорированы в жилище. Л. Кендалл пишет, что в корейских семейных традициях «некоторые семьи оказывают дань уважения особенно могущественным домашним богам, отмечая их присутствие сосудами с зерном или бумажными гнездами» (Kendall 1985: 113). Аналогично, в рамках постепенного развития преисторического общества вполне вероятно, что украшения, которые изначально служили, главным образом, в качестве апотропаических символов, трансформировались в средства накопления богатства. Однако это, в сущности, явилось результатом попыток приобрести более надежную защиту со стороны богов и предков. Аккумуляция и тезаврация золота в Варне, которые интерпретировались в качестве признака появления богатства (Renfrew 1986), контрастируют с обществом позднего медного века, основанном на домохозяйстве, но его существование демонстрирует, что в поздней балканской преистории существовали предпосылки для аккумуляции большого количества богатства. Тем не менее, эта перспектива, похоже, так никогда и не развилась в широко распространенную, целенаправленную стратегию.

Дополнения

Упомянутый выше тезис Д. Брэдли можно несколько расширить, исходя из перспектив нашего исследования. Преднамеренное избавление от собственности соответствует превращению богатства в сокровище 4-го уровня либо уровней 2—4 в периоды возможных кризисов. Формирование персонального престижа посредством тезаврации богатства могло представлять собой социальную интеграцию видимого и невидимого миров через выражение уважения и единства по отношению к другим членам общины. Наконец, утилитарное и сакральное значения могли частично совпадать или существовать в качестве синкретичных кладов.

Необходимые дальнейшие исследования

Остается неясным, как сильно современность влияет на предложенную четырехуровневую модель сложности социальной структуры. Дальнейший детальный анализ требует рассмотрения различных типов мобильных ценных предметов, в частности, украшений,

для выяснения того, были ли они просто дорогими вещами либо обладали апотропаическими и/или специфическими ритуальными функциями.

Также не совсем понятно, как взаимодействовали идеи богатства и ритуальная практика в разных поколениях, а также между ними, от семьи к семье и от общины к общине. Каким образом (если это вообще происходило) соотносились специализированные, относящиеся к сфере богатства предметы, с такими моральными категориями, как социальный статус, и как они могли содействовать процессу категоризации гендера и возраста? Дальнейшие конкретные исследования могут уточнить, каким образом тезаврация богатства содействовала семейной и общинной идеологии стратификации и/или солидарности. Почему вещи из богатых погребений не становились предметом грабежа? Соответственно, почему же некоторые археологи не выказывают должного уважения к предкам и раскапывают могилы без четкого научного подхода, руководствуясь одним лишь желанием быть связанными с большим количеством исследованных могил и, соответственно, с возможными богатыми находками?

Очень важным также является вопрос о том, как богатство и достаток содействовали дифференциации взаимных контактов между стратифицированными семьями и социальными группами. Как сильно социальная стратификация и аккумуляция богатства в преистории регулировали и стимулировали, например, брак? Выявление в будущем факторов, которые стимулировали аккумуляцию богатства или содействовали деволюции воспроизводства богатства в некоторых преисторических периодах, может оказаться весьма плодотворным.

Заключение

Мы верим, что представленные здесь гипотезы и тезисы о богатстве в преистории способны стимулировать дальнейшее исследование одного из самых фундаментальных компонентов социального образа действий — аккумуляцию, воспроизводство и тезаврацию богатства, в частности, в преистории. В этом исследовании были предложены четыре уровня сложности социальной структуры домохозяйств на основе критерия богатства. Это идеализированная модель, поэтому конкретные исследования всегда способны предоставить дополнительные варианты или, вероятнее всего, опровергнуть некоторые из приведенных здесь аргументов. Тем не менее, представляется вероятным, что

№2. 2010

будущие исследования способны расширить данные построения до уровня общей модели сложности социальной структуры, в то вре-

мя как конкретные исследования могут улучшить и усовершенствовать ее основные компоненты

Литература

- Николов В. 1974. *Градешица*. София: Наука и искусство.
- Bailey D.W. 2000. *Balkan Prehistory. Exclusion, Incorporation and Identity*. London & New York: Routledge.
- Bailey D.W. 2005. *Prehistoric Figurines: Representation and Corporeality in the Neolithic*. Routledge, London and New York: Taylor & Francis Group.
- Bentley R.A., Maschner H.D.G. 2008. Complexity Theory. In: Bentley R.A., Maschner H.D.G., Chippindale C. (eds). *Handbook of Archaeological Theories*. Lanham: AltaMira Press, 245—270.
- Bradley R. 1982. The Destruction of Wealth in Later Prehistory. *Man* (N.S.) 17: 1, 108—122.
- Bradley R. 1990. *The Passage of Arms: An Archaeological Analysis of Prehistoric Hoards and Votive Deposits*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bradley R. 2005. *Ritual and Domestic Life in Prehistoric Europe*. London & New York: Routledge.
- Earle T. 1991. The Evolution of Chiefdoms. In: Earle T. (ed.). *Chiefdoms: Power, Economy, and Ideology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1—15.
- Helms M. 1979. *Ancient Panama: Chiefs in Search of Power*. Austin: University of Texas Press.
- Hodder I. 1982. *Symbols in Action: Ethnoarchaeological Studies of Material Culture*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jongsma T., Greenfield H.J. 2002. The Household as Behaviour: An Anthropological Perspective. In: Nikolova L. (ed.). *Material Evidence and Cultural Pattern in Prehistory*. Salt Lake City & Karlovo: International Institute of Anthropology, 1—11.
- Jullerat B. 1996. *Children of the Blood. Society, Reproduction and Cosmology in New Guinea*. Oxford & New York: Berg.
- Kendall L. 1985. *Shamans, Housewives, and Other Restless Spirits: Women in Korean Ritual Life*. Honolulu: University of Hawaii Press.
- Kristiansen K., Rowland M. 1998. *Social transformations in archaeology: Global and local perspectives*. New York: Routledge.
- Liu L. 2004. *The Chinese Neolithic: Trajectories to Early States*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Miller R.L. 1963. The Theory of Household Saving. *The Review of Economics and Statistics* 45 (1), 1—15.
- Nakassis D. 2009. Financing the State in the Aegean Bronze Age (Abstract): <http://www.utexas.edu/research/pasp/people/nakassis.html>
- Nikolova L. 1999. The Balkans in Later Prehistory. *BAR International Series* 791.
- Nikolova L. 2002. Diversity of Prehistoric Burial Customs: Part 1. Towards the Structure and Meaning of the Burials in Settlements and in Graveyards in Later Balkan Prehistory. In: Nikolova L. (ed.). *Material Evidence and Cultural Pattern in Prehistory*. Salt Lake City & Karlovo: International Institute of Anthropology, 53—87.
- Nikolova L. 2006a. Social Complexity during the Neolithic and Anthropology of Everydayness. *Society for American Archaeology*. 71st Annual Meeting April 26 — April 30, 2006. San Juan, Puerto Rico. Abstracts. Washington: Society for American Archaeology, 298.
- Nikolova L. 2006b. Village-Interments and Social Reproduction During the Neolithic. In: Gatsov I., Schwarzberg H. (eds). *Aegean — Marmara — Black Sea: The Present State of Research on the Early Neolithic*. Langenweissbach: Beier & Beran, 95—114.
- Quesada F. 1998. From Quality to Quantity: Wealth, Status and Prestige in the Iberian Iron Age. In: Bailey D.W. (ed.). *The Archaeology of Value. Essays on Prestige and the Processes of Valuation*. BAR International Series 730, 70—96.
- Palavestra A. 1998. Landmarks of Power: Princely Tombs as in the Central Balkan Iron Age. In: Bailey D.W. (ed.). *The Archaeology of Value. Essays on Prestige and the Processes of Valuation*. BAR International Series 730, 55—69.
- Patch J.A. 2003. Gold. In: Orr J. *International Standard Bible Encyclopaedia*. Blue Letter Bible: <http://cf.blueletterbible.org/isbe/isbe.cfm?id=3869>
- Renfrew C. 1986. Varna and the Emergence of Wealth in Prehistoric Europe. In: Appadurai A. (ed.). *The Social life of Things*. Cambridge: Cambridge University Press, 141—168.
- Russell N. 1998. Cattle as Wealth in Neolithic Europe: Where's the Beef? In: Bailey D.W. (ed.). *The Archaeology of Value. Essays on Prestige and the Processes of Valuation*. BAR International Series 730, 42—54.
- Todorova H. (Hrsg.). 2002. *Durankulak. Die prähistorische Gräberfelder*. 1—2. Berlin & Sofia: Deutsches Archäologisches Institut.
- Todorova H., Vajsov I. 2001. *Der kupferzeitliche Schmuck Bulgariens*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Tsonev Ts. 1995. Collection of Flint Artefacts from the Upper Valley of the Stryama River, Karlovo Region. In: Nikolova L. (Ed.), *Early Bronze Age Settlement Patterns in the Balkans*. Part 1. Sofia: Prehistory Foundation and Agatho, 57—63.
- Vandkilde H. (Online). *Metallurgy, Inequality and Globalization in the Bronze Age: A Commentary on the Papers in the Metallurgy Session*: <http://www.aal.au.dk/global/nyheder/nyt/halle>.
- Weiner A.B. 1983. A World of Made Is not a World of Born: Doing Kula on Kiriwina. In: Leach W.J., Leach E. (eds). *The Kula. New Perspectives on Massim Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press, 147—170.

Статья поступила в номер 9 января 2010 г.

Lolita Nikolova (Salt Lake City, USA). Doctor. International Institute of Anthropology.

Lolita Nikolova (Salt Lake City, SUA). Doctor. Institutul Internațional de Antropologie.

Николова Лолита (Солт-Лейк-Сити, США). Доктор. Международный институт антропологии.

E-mail: lnikol@iianthropology.org

